

ПЕРВЫЕ МАСКАРАДЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (1698 г.)

Е. ПОГОСЯН

Если правда то, что определенные явления культурной истории удивительным образом сопротивляются систематическому изучению, то русские маскарады XVIII века следует назвать в этом ряду в первую очередь. Бахтин в «Рабле» сетовал, что длительное время явления народной карнавальной культуры не изучали, их «собирали как курьезы». В полной мере это относится к русским маскарадам: сведения о маскарадах историки культуры действительно собирают «как курьезы», ими разбавляют серьезные исследования, чтобы читатель не уснул. Из-за того, что документальные материалы о маскарадах существуют разрозненно, часто в малодоступных источниках, в разговоре о них историки литературы и культуры часто допускают неточности, и, как правило, сведения об отдельных маскарадах рассматривают вне хронологии, как универсалии маскарадной культуры. Дополнительные сложности возникают оттого, что слова «маскарад» и «карнавал» часто используют для указания на «разные типы культуры». Такое употребление отличается от употребления этих слов в XVIII в., что также приводит к неточностям и даже путанице. «Маскарад» («машкара») и «карнавал» входят в употребление в России в самом конце XVII в.¹ Различие между ними заключалось в том, что «карнавал» всегда указывал на сезон (на Масленицу, иногда — на Святки и Масленицу), а «маскарад» обозначал праздник, участники которого были костюмированы или маскированы. Например, Б. А. Куракин, описывая правление Петра I до Великого посольства, пишет: «Как тогда обычай был *на конец кроновала* или *на масленице* на Пресне, в деревне их величества по вся годы, потехи огненные были деланы» [Куракин, 79]; А. П. Бестужев в письме к М. Л. Воронцову 29 января 1746 г. писал: «Ныне у нас *карневал* и *маскарадные забавы*» [Архив Воронцова, 142–143]. Соответственно, я буду относить к маскарадам только те явления, которые современники называли маскарадами.

Главная задача сочинения, над которым я сейчас работаю, — дать по возможности аккуратное и хронологически выстроенное описание маскарадов в России в XVIII в. Предлагаемые заметки — это начало главы, посвященной петровской эпохе.

Впервые Петр побывал на маскараде в 1698 г. во время Великого посольства: сначала в Лондоне, а потом в Вене, кроме того, он должен был, но не смог увидеть маскарад в Венеции. В предлагаемом отрывке будет предпринята попытка дать описание тех маскарадов, которые Петр или его приближенные увидели в 1697–1698 гг. во время заграничного путешествия. Этот материал позволит впоследствии выяснить, в какой степени, и какие именно маскарады стали образцами для Петра по возвращении из

путешествия.

Петр прибыл в Англию 11 января 1698 г. 21 января царь и его спутники, как указано в Журнале Петра, «были в *мошкаре*» [Журнал 1698, 4]. В «Журнале Государя Петра I с 1695 по 1709 г. сочиненном Бароном Гизеном» под 21-м января 1698 г. находим немного более подробные сведения: «Были *при Дворе в маскараде*; начало *карновала*» [Туманский, 60].

На основании этих известий можно, кажется, заключить, что при дворе Вильгельма III Оранского во время карнавала давались маскарады, и на такой маскарад был приглашен русский царь². Можно также предположить, что если на маскарад был приглашен русский царь, пусть и путешествующий инкогнито, то на нем должен был присутствовать и английский король. На самом деле, все обстояло несколько иначе.

Во-первых, сведений о придворных маскарадах, которые проходили в январе 1698 г. (или в близкий по времени период), обнаружить не удалось. Во-вторых, приблизительно в то время, как Петр веселился «в мошкаре», Вильгельм III работал над указом, который должен был привести к исправлению нравов его подданных. В конце февраля 1698 г. газеты напечатали королевский манифест «Об уничтожении безбожия и безнравственности». Этим манифестом, среди прочего, предусматривалось и запрещение маскарадов. Уже в начале марта тавернам, кофейням и питейным заведениям в исполнение королевского указа было запрещено работать по воскресеньям. Очередь маскарадов пришла в конце осени: 29 ноября вышел указ о пресечении всяких попыток подготовки к маскарадам, а также распространения печатных билетов в маскарады; маскарады были названы в указе «противозаконными собраниями», а их подготовка — «злодейством» и «распутными действиями, которые поощряют распространение безнравственности и безбожия». А через неделю появились сообщения о том, что в разных местах маскарадные собрания были «обнаружены и прекращены» [Newspaper Reports]. Таким образом, на маскараде, который посетил Петр в Лондоне, Вильгельма не было, маскарад не был и не мог быть придворным.

Маскарад, который посетил Петр, проходил в одной из четырех юридических корпораций Лондона, носившей название *Inner Temple*. Историк этих корпораций пишет:

Рожество 1697 г. в *Inner Temple* было соблюдено со всеми церемониями. 21 января 1698 г. славных гостей, включая царя Московии, который позднее был известен как Петр Великий, развлекали *маскарадом*. Петр поражал своим костюмом мясника. Царь был так доволен, что вновь посетил корпорацию 26 февраля, чтобы принять участие в другом *маскараде* [Green, 89].

В самом деле, регулярные записи, которые велись при *Inner Temple*, говорят о двух посещениях Петра. Первая запись гласит:

Адмирал Митчелл ежедневно с царем для того, чтоб осведомить его о делах морских. Праздники в *Temple* закончились, вчера вечером был маскарад, и царь среди других был инкогнито в костюме мясника.

В записи 26 февраля 1698 г. читаем:

В четверг вечером царь ужинал в комнате мистера Морлея в *Temple*, где потом был маскарад; вчера после обеда он осмотрел Вестминстерский холл и здания парламента [Luttrell, 335, 349].

Учитывая, что 26 февраля было субботой, можно уточнить дату второго посещения: Петр был тут на маскараде в четверг 24 февраля. У Гизена под 24-м января указано: «Были ввечеру на ассамблее Адмирала Кармартена, у которого и ужинали» [Туманский, 60]. Но, как явствует из приведенных материалов, ужиная царь с Кармартеном у Марлея в Inner Temple, где потом остался на маскарад.

Что же представляло из себя празднование Рождества в Inner Temple и почему король считал необходимым прекратить эти маскарады? Игры в шутовского правителя (“Lord of Mis-rule”) — широко известная по всей Европе рождественская традиция, сохранившаяся до позднего средневековья [Billington, 30–54 и след.]. «Рождественские потехи в юридических корпорациях Лондона, а таких корпораций было четыре (*the Inner Temple, the Middle Temple, Lincoln’s Inn, Gray’s Inn*), — пишет современный исследователь, — являются одним из древнейших в Европе строго формализованных «перевернутых» (травестийных) ритуалов, доживших до Нового времени. Все церемонии были связаны здесь с выборами, а затем правлением шутовского короля, которого называли на этих забавах «рождественский князь» (“The Christmas Prince”). Забавы обычно начинались в понедельник перед днем св. Фомы (21 декабря) и продолжались приблизительно четыре недели. Кутежи, шум, пушечная пальба, а иногда и просто массовые беспорядки, переходящие в шумные поборы (так называемые «ежегодные подати») в прилежащих районах, — все это сопровождало лихорадочные рождественские потехи» [Combe, 6].

Церемониал выбора шутовского правителя (князя) проходил со всей возможной серьезностью и торжественностью. Князь, в свою очередь, раздавал участникам забав титулы, среди них могли быть такие, как: Сэр Френсис, льстец Букингемский; Сэр Рендел, из замка Жуликов, из графства Гребисено; Сэр Морган Случайно-пивом-обпившийся, из Много-монашествующих, из графства Придурковатости; Сэр Бартоломей с Лысой Задницей, из Ягодице-града, графства Сломаишею³. Кроме того, назначались, например, егеря, которые должны были заниматься княжеской охотой. Шутовская охота, по крайней мере в более ранний период, действительно имела место, позднее она переродилась в ритуальную травлю «лисиц» прямо в помещениях Inner Temple. «Кошку или лису, которую приносил один из егерей, — сообщает историк этой корпорации, — тут же в зале [где происходили забавы] травили чуть ли не двадцатью охотничьими собаками, которые, с помощью егеря, загоняли животное в огонь [разведенный в очаге посреди холла], где оно и сгорало» [Green, 66].

Монархи не всегда пренебрегали посещением юридических корпораций во время этих забав, и для них, как правило, готовились специальные представления, наполненные шутовскими аллюзиями на недавние политические события. В 1594 г. в последний день рождественских забав, в «двенадцатую ночь»⁴ состоялось представление, в котором отразилось прибытие в Англию российского посольства и связанные с этим событием воспоминания о взятии Казани и Астрахани [Список посольства]. В этот день, как и обычно, шутовской правитель предавался своим повседневному будничным занятиям. В описании читаем:

Шесть рыцарей в шлемах вошли в зал в тремя пленниками, одетыми как монстры и неверные одновременно. Рыцари, вернувшиеся из похода, в котором они сражались на стороне *Императора России против татар*, захватили в плен Зависть, Склонность к мятежам и Глупость <...>. Прозвучали трубы, и *посланник императора России и Московии* вошел со своими верительными грамотами. Он

расхвалил отвагу шести рыцарей, и обратился к Князю с просьбой послать его господину отряд из таких рыцарей для борьбы против татар. Когда его запрос был удовлетворен, начался пир, который сопровождался музыкой.

Вслед за посланником «Императора России» появляется следующий гонец, который говорит о войне с амазонками, потом обсуждается шутовской торговый договор с Нидерландами, и проч. В своей заключительной речи Князь сказал, что он не собирается унывать из-за всех обрушившихся на него войн и слухов о войнах, и что все нестроения и мятежи как грибы: растут ночью, а к утру уже гнилые. На следующее утро Князь объявил о том, что решил самолично отправиться в Россию, куда он торжественно отбыл и где должен был оставаться до Сретения. 28 января было объявлено о приближении «Его шутовского Величества» и его свиты на 15-ти баржах. У подножия лестницы в Гринвиче шутовского князя встречали пушечными залпами. Среди встречающих была и королева Елизавета. После триумфа, посвященного возвращению Князя из похода против татар, Князь обменялся любезностями с королевой Елизаветой, и отбыл, пообещав вернуться на масленицу, если здоровье ему позволит. Елизавета пообещала, что будет присутствовать и на масленице [Green, 83–84]. Как мы видим, королева Елизавета не только присутствует на представлении, но и сама участвует в этой игре.

Подробного описания маскарадов, которые посетил Петр, к сожалению, не сохранилось. Тем не менее, сохранившиеся материалы (в том числе, относящиеся и ко второй половине XVII в.) свидетельствуют о том, что «сценарий» рождественских потех с выборами шутовского правителя, его четырехнедельным правлением и возвращением на Масленицу, был довольно устойчивым, также, как и атмосфера грубого «карнавального» веселья. Итак, Петр впервые посетил зрелище или, точнее, празднество, которое в его Журнале было определено как «мошкара», а у Гизена как «маскарад», в Англии, и куда он явился в костюме мясника. Как мы видели, это был не придворный, а *городской святочный маскарад*.

Венский маскарад, в котором участвовал Петр, в отличие от лондонского, неоднократно привлекал внимание исследователей. Приведем коротко основные сведения о нем, собранные историками, и попробуем на основании некоторых дополнительных известий определить, каким был «сюжет» этого маскарада.

Торжественный въезд Великого посольства в Вену был назначен на 16 июня 1698 г. Официальная аудиенция посольства должна была состояться по прибытии обоза с подарками, который задерживался. Между тем Петр осматривал Вену и делал «частные» визиты: 19 июня царь неофициально встретился с императором Леопольдом I в летнем дворце Фаворита, 24 июня — с императрицей Элеонорой-Магдалиной и императорскими принцессами, а 28-го — с наследником престола «римским королем» Иосифом. 29 июня, в день именин Петра, венский двор устроил для царя праздник с фейерверком в саду посольского дома, на котором присутствовало около 1000 человек, в том числе, и иностранные посланники инкогнито (поскольку формально русские послы не были таковыми до представления императору и передачи верительных грамот).

Наконец, также до официального представления посольства, император устроил при дворе праздник для царя. В начале июля испанский посланник писал о нем: «Теперь готовят для царя <...> прекрасный праздник, который император имел

обыкновение устраивать *в последний день карнавала*; он на немецком языке называется Wirthschaft. На нем все австрийские особы и главные кавалеры и дамы их двора появляются *замаскированными* в драгоценных костюмах и самых богатых уборах, танцуют, и дается великолепный ужин, причем его цесарское величество бывает *хозяином*»; этот праздник, однако, «ввиду больших расходов, которых он стоит, не устраивался с тех пор, как началась турецкая война». Об этом же придворном празднике рассказывает и венецианский посол Рудзини: «На ближайший понедельник готовится при дворе большой и необычный праздник, который не давался уже 20 лет и который император предполагал не возобновлять из-за его великолепия и общих расходов *до окончания войны с турками*. Увеселение будет состоять из ужина и бала; кавалеров и дам будет более 120, все наряженные в разнообразные костюмы, представляющие *различные нации* и украшенные несметными драгоценностями <...> Со всей императорской фамилией там будет император *в костюме хозяина*; покажется также *замаскированным и царь со своими послами*» [Богословский, 501].

Праздник состоялся 11 июля, по свидетельству Журнала, Петр он был «в маскарете». Сведения об этом празднике сохранились в нескольких источниках: в журнале венского двора, так называемом “Ceremonial-Protocolle”, куда было включено официальное описание посольства; в периодическом издании “Theatrum Europaicum”, которое выходило во Франкфурте-на-Майне и было своего рода светской хроникой европейских дворов; а также в донесениях иностранных посланников при императорском дворе.

“Ceremonial-Protocolle” при описании венского маскарада были использованы Н. Устряловым. Он пишет:

Для празднества приготовлены были комнаты на половине императрицы в Фаворите. В особенности великолепием и вкусом убранства отличалась танцевальная зала. Двенадцать больших серебряных люстр и множество стальных канделябр разливали ослепительный свет, отражаемый четырнадцатью огромными зеркалами, на дорогие картины в украшенных *гирляндами* рамах, на *редкие деревья и благоухающие цветы*, живописно расставленные по зале, которая представляла *вид волшебного сада*. Пред вечером стали съезжаться гости. Император и императрица принимали их с приветливым радушием хозяина и хозяйки. Пара за парой являлись принцы, принцессы, вельможи, статс-дамы, фрейлины в самых разнообразных костюмах, сиявших драгоценными камнями, но со строгим соблюдением характера *разноплеменных одежд*. <...> Как скоро собрались все гости, *Леопольд и супруга* его послали сказать Петру, что *хозяин и хозяйка домашнего праздника ждут фрисландского крестьянина*. Он не замедлил явиться, сопровождаемый послами и несколькими дворянами в костюме служителей.

После бала состоялся ужин.

Император и императрица заняли места при нижнем конце; на верхнем были древний германец с германкой и венгерец с венгеркой. Царь сидел шестым от императрицы, имея с правой стороны свою подругу фрейлину фон Турн, с левой фельдмаршалшу Штаренберг в костюме швабской крестьянки. <...> В половине ужина Леопольд встал с своего места, подошел к фрисландцу и поднес ему бокал вина. Царь выпил его залпом за здоровье радужного хозяина. Император налил бокал снова и в свою очередь осушил его за здоровье дорогого гостя. С тем же ходил к римскому королю, сидевшему двадцать четвертым от императрицы; от него снова подошел к царю и оба они пили взаимное здоровье.

После ужина все гости возвратились в танцевальную залу и веселились там до белого дня [Устрялов, 138–142].

В “Ceremonial-Protocolle” был приведен и полный список участников маскарада с указанием их костюмов. Основную массу составляли маски, представлявшие различные

народы. Здесь были: древний германец, испанец, венгерец, француз, поляк, венецианец, хорват, нидерландец, швейцарец, грек, древний римлянин, турка, персиянин, армянин, африканец, египтянин, китаец, татарин, мавр, еврей и цыган, наконец, москвитянин, каждый со своей дамой. Кроме того, на маскараде была большая группа крестьян разных национальностей: испанский, французский, английский, итальянский, страсбургский, швабский, голландский, моравский, также с дамами. Наконец, здесь были пастух, солдат, пилигрим, садовник, егерь, раб, площадной лекарь, кельнер, трубочист, привратник и служители. Император и императрица, как указывают и другие источники, представляли хозяина и хозяйку. Наконец, среди гостей были «нюрнбергский жених» с невестой. Среди лиц, которые явились «без дам», значатся и «семь московских кавалеров» (имена их не обозначены) [Богословский, 514–516].

Из документов Великого посольства мы знаем имена «московских кавалеров». Кроме Петра, в празднике приняли участие три великих посла — Франц Лефорт, Ф. А. Головин и П. Б. Возницын, секретарь посольства Петр Лефорт, гонец майор Адам Вейде и два волонтера — Александр и Гаврила Меньшиковы. Все они были одеты в «потешное платье», сделанное им для этого случая. «Мы не найдем в приходно-расходных книгах издержек, произведенных на изготовление для Петра маскарадного костюма, в котором он был на празднестве, устроенном при Венском дворе, — пишет Н. А. Бакланова в работе, специально посвященной расходам Великого посольства, — в то время как соответствующие расходы на других лиц из состава посольства, принимавших в нем участие, указаны». К сожалению, описания костюмов не сохранилось. Записи об издержках Лефорта говорят лишь «об уплате венскому портному 80 золотых за маскарадный костюм». Остальным участникам посольства были сшиты костюмы подешевле [Бакланова, 27–29].

Но вот с Возницыным возникли проблемы. Для него «было сшито потешное платье. 4 июля “на покупку третьему послу на потешной кафтан сукна и на приклад дано 19 золотых”». На потешную шапку к этому кафтану было дано два соболя. Однако этот костюм почему-то не понравился Петру и был отдан посольскому священнику: «Отдан тот кафтан по указу священнику Ивану Поборскому». Такая же приписка сделана относительно шапки. Почему Петру не понравился первый маскарадный костюм Возницына, понятно. Во-первых, сразу же бросается в глаза, что костюм, который заказал Возницын, намного дешевле наряда Лефорта. Из других источников мы знаем, что Возницын отличался щегольством не в меньшей мере, чем Лефорт, хотя щегольство его было не европейским, а московским (он, в отличие от большинства участников посольства, в немецкое платье так до конца посольства и не переделался). Рудзини, видевшийся с Возницыным во время Карловицкого конгресса, так описывает его костюм: «В длинной одежде, подбитой серыми соболями. Имеет шесть или семь золотых ожерелий на шее, драгоценное украшение из довольно хороших алмазов на шляпе и много перстней на пальце. В руках пажа пара перчаток с хорошим узором из жемчугов» [Бакланова, 39].

Кроме того, «потешное платье», которое заказал Возницын, было таким, что его вполне мог носить посольский священник, то есть оно было обычной московской одеждой. Такой костюм разрушал сам принцип маскарада. К тому же, на празднике и без Возницына были маски в московском платье. Наконец, на всех официальных приемах московские послы были в московском платье, в том числе и Лефорт. В Кенигсберге, например, как указывает

Кретинин, Лефорт «до аудиенции носил немецкое платье», но во время аудиенции у курфюрста был одет «как и два других посла, по-московски, и все трое были в нарядных, богато расшитых нижних и верхних платьях с алмазными застежками и с русскими государственными орлами из алмазов на шапках» [Кретинин, 75]. Появиться на официальном приеме в таком же платье, как и на маскараде, конечно же, было невозможно. А Возницын, по-видимому, без всякого интереса отнесся к посещению маскарада, а потому не особенно озаботился изготовлением костюма, и, по сути дела, отказывался переодеваться. Но переодеваться ему все-таки пришлось.

На новое «потешное платье» для него было «куплено в Вене на *старосвецкое платье* третьему великому послу, на однорядку сукна, а на ферези — камки, и *нашивки золотные, и галуны, и плетешки золотные ж и серебряны*, и подложены, и подпушены тафтами и камками, да на *шапку старосвецкую большую бархату зеленого*; всего на платье, на попку и всякие мелкие расходы изшло <...> 67 еф.» [Бакланова, 38]. Как мы видим, Возницын было решено нарядить в старинное, «старосветское» московское платье: Возницын не переносился в чужое для себя (географическое или социальное) пространство, как большинство масок, но он, по крайней мере, переносился в другую эпоху, в компании с древним германцем и древним римлянином. И на этот раз платье было достаточно украшено, как и подобало маскарадному костюму.

Каким был костюм Петра, тоже не очень ясно. Богословский пишет: «Праздник состоялся вечером 11 июля. Еще заранее Петру был сообщен список национальных костюмов разных племен и народов, причем он приглашался выбрать для себя наряд по своему вкусу. В соответствующем костюме должна была явиться и его дама, избранная по принятому обычаю жребием. Петр ответил, что он будет в одежде фрисландского крестьянина или фрисландского корабельного капитана». Венецианский посол Рудзини также пишет, что Петр был «в костюме фрисландского крестьянина, который напоминал собой в достаточной степени моряка» [Богословский, 513–514]. Как мы видели, в списке масок на празднике была большая группа крестьян, а вот моряков на нем не было: Петр, по-видимому, выбрал костюм крестьянина, но явился в костюме скорее похожем на костюм «корабельного капитана».

После празднества каждый кавалер должен был поднести своей даме подарок. «Расходные книги, — пишет Бакланова, — сохранили запись, свидетельствующую, что Петр выполнил это требование: «Куплен перстень с алмазы в подарок девице княжне Туринской Ягане, которая у цесаря на пиршестве танцевала, дано 205 золотых». Вместе с перстнем ей было послано четыре пары соболей общей стоимостью в 120 рублей и пять косяков камки». По свидетельству “Ceremonial-Protocolle”, кроме Петра ни у кого из «московских кавалеров» больше не было своей дамы. Однако из расходных книг видно, что «золотой перстень с алмазами за 15 золотых» был куплен еще и Александру Меншикову, «очевидно, для подарка его даме на празднике» [Бакланова, 15, 48]. Впрочем, возможно, что перстень был куплен для самого Меншикова, или — он только надеялся, у него будет своя дама.

Но в целом, как мы видим, костюмы, как и описание в “Ceremonial-Protocolle”, почти ничего не говорят о самом празднике. Приблизительно эти же сведения находим и в работах, посвященных истории венского двора. В одной из последних по времени работ

названной тематики, этот традиционный праздник упомянут лишь вскользь как часть календаря придворной жизни. Здесь указано, что Wirthschaft проходил на фоне пасторальных декораций, и был смесью комедии, маскарада и балета [Duindam, 173].

Указание Рудзини на то, что маскарад не давался уже 20 лет, было небольшим преувеличением. Последний праздник Wirthschaft, сведения о котором удалось отыскать, имел место в 1680 г. Сохранился «Список Императорского двора, находившегося в императорской резиденции в Праге в 1680 году на карнавале в канун Великого Поста». Фактически, это список масок, которые участвовали в празднике, но из перечня можно заключить, что сюжетом праздника была *шуточная деревенская свадьба* на постоялом дворе: среди участников были: капеллан, жених и невеста, родители жениха и невесты, два шафера и две подружки невесты, деревенский судья со своей супругой, хозяин и хозяйка деревенского постоялого двора, а также по паре испанских, валлийских, французских, английских, богемских, швабских и хорватских крестьян, солдат с солдаткой, деревенский еврей с еврейкой, цыган с цыганкой, рыцари, служанки, трубочист, кельнер и повар [Theatrum Europaeum, XV,]. Сюжет праздника легко угадывается: деревенская свадьба празднуется на постоялом дворе, к «свадебной группе» относятся маски жениха и невесты, их родственников и капеллана с судьей, которые необходимы для совершения обряда и подписания контракта; крестьяне, вероятно, были гостями. Кроме того, на постоялом дворе, естественно, можно найти цыган и местного еврея, служителей, трубочиста и повара, а также остановившихся тут странствующих рыцарей. Многие из персонажей — традиционные карнавальные маски, и участники, конечно же, не просто были переодеты, но исполняли свои «роли»⁵.

О том, что венский праздник 1698 г. также должен был перенести его участников на постоянный двор, свидетельствует уже тот факт, что император с императрицей были, как указывают все источники, в костюмах хозяина и хозяйки. Кроме того, здесь фигурирует целый ряд лиц, которые могли присутствовать на деревенском постоялом дворе: уже знакомые нам по празднику 1680 г. еврей, цыган, кельнер и трубочист, а также вполне уместные на постоялом дворе пастух, солдат, пилигрим, садовник, егерь, площадной лекарь, привратник и служители. Разыгрывался, определенно, и свадебный сюжет: среди масок находим «нюрнбергского жениха» (его представлял князь Монпельяр, а фрейлина Роза фон Гаррах, была его маскарадной невестой).

Капеллан также предполагался. В донесении испанского посланника читаем: «Император <...> соизволил сообщить мне через г. графа Мансфельда, маршала двора, что в моей воле явиться, если хочу, и что в таком случае я мог бы одеться капелланом, что также подтвердил мне сам его цесарское величество. Я ответил, что милостивым предложением его цесарского величества достаточно охранена прерогатива моей должности католического (т. е. испанского) посла и сохранена для моих преемников, но что этот

праздник не подходит к моему сану епископа и в особенности потому, что следует иметь даму, что не разрешается латинским епископам. Его цесарское величество возразил шутя, что царь, для которого устраивается этот праздник, мог бы разрешить, потому что он греческого исповедания, но серьезно прибавил, что дело зависит от моей религиозной осмотрительности» [Богословский, 500]. Таким образом, капеллана, да еще в лице католического епископа, Леопольду заполучить не удалось, возможно, эту роль исполнил

кто-то другой.

Но у венского маскарада был и другой сюжет, который строится не вокруг масок (персонажей, которые были представлены на маскараде), а в отношении к участникам маскарада. В первую очередь этот сюжет получил отражение в описаниях, которые специально оговаривают места за столом (которые не соответствуют статусу гостей). Наличие этого второго сюжета определяет и выбор костюма: так, Возницын, как мы видели, не мог явиться в московской одежде, а граф фон Мансфельд с принцессой Монпельяр — могли; испанскому посланнику, католическому епископу, император предлагал явиться на праздник под маской капеллана: маскарадный костюм не должен указывать на того, кто под ним скрывается, но может в той или иной форме намекать на личность участника. Но, конечно же, главным персонажем этого второго сюжета венского маскарада был Петр: московский царь, который представлял волонтера в составе посольства, и волонтер, который представлял фрисландского крестьянина на маскараде. Этот особый статус фрисландского крестьянина отразился и в событиях самого праздника, и в его описании.

Тот эпизод праздника, который имел место уже во время ужина, когда Леопольд поднес Петру кубок и они пили здоровья, значительно подробнее обрисован в «Theatrum Europaeum». Этот источник использовал уже барон Гизен (в русском переводе он опубликован Туманским), потом Голиков, в своем переводе его приводит и Богословский. Приведем перевод Богословского.

«Светлейшее общество, — описывал это празднество “Theatrum Europaeum”, — собралось упомянутого дня в шесть часов вечера в нижнем зале Фавориты, который к этому празднику был очень красиво убран драгоценнейшими столами, зеркалами и другими прекрасными мебельями и освещен бесчисленным множеством восковых свечей в изящных золотых подсвечниках, и сначала развлекалось танцами и *другими забавами* под превосходнейшую музыку, а затем перешло в другой таким же образом украшенный зал, разместилось за столом длиной в 86 венских футов и было угощено великолепным и дорогим ужином, при котором прислуживали 32 пажа императорского двора, одинаково на сей конец одетые». «Другие забавы», как можно полагать, это, собственно сюжетная часть маскарада, когда маски действуют как персонажи, которых они представляют (деревенская свадьба).

“Theatrum Europaeum” продолжает: «Когда все высокие гости были вдоволь угощены и им предоставлены были всякие редкостные блюда и напитки, их императорское величество поднялись из-за стола и отправились с драгоценным хрустальным бокалом вина к царю и сказали: *так как они хорошо знают, что он (т. е. Петр) знаком с великим царем в Москве*, то они желают поднести ему за здоровье царя; за что тот очень учтиво поблагодарил, взял

от уст вышеупомянутого их императорского величества бокал и *объявил, что, насколько он знает, великий царь на Москве во всяком благополучии, что он — друг их императорского величества и враг его врагов* и настолько простирает свой интерес и любовь, что, когда бы этот стакан был полон яду, то все же готов его выпить; затем поднес стакан к устам и выпил его, не оставляя в нем ни одной капли и вручил его их императорскому величеству пустым. На что вышеупомянутое их императорское величество отвечивал: так как он, царь, ничего им в бокале не оставил, то они желают

почтить его бокалом; и он принял с величайшим удовольствием и уверил, что, пока он жив, его сердце и этот бокал к услугам их Императорского величества». Это сценка определенно отсылает ко второму сюжету маскарада, это «узнавание», но, поскольку инкогнито Петра не позволяло его узнать, а статус не позволял, например, не пить здоровье присутствовавшего за столом царя после того, как было выпито здоровье императора, то Леопольд разыграл своего рода «неполное» узнавание.

И Петр продолжает далее разыгрывать сюжет неполного узнавания: после разговора с императором «он обратился к его величеству, римскому королю <старшему сыну императора, — *Е. П.*>, и сказал: его величество *еще молоды*, поэтому могли бы лучше перенести добрый глоток, *чем господин батюшка* и побудил их ответить ему один за другим на восемь тостов. После этой экспедиции он обнял их величество, поцеловал, поднял кверху, выказал большое удовольствие и обратился опять к начатым веселостям, которые продолжались до 4 часов утра, причем их императорское величество, равно и его царское величество, так увеселенными оказались, что оставались до самого последнего момента, а именно царь необычайно растанцевался и, прижимая свою даму по своей ему свойственной манере, вертел и казался веселым и радостным» [Богословский, 517–518]. То есть Петр узнает наследника, но как будто не узнает императора, который присутствует тут же за столом, и пьет здоровье императора с его сыном, как император пил здоровье Петра «со знакомцем» царя. Кроме того, Петр определенно утрирует «молодость» наследника: во время маскарада Иосифу 20 лет, и незадолго до описываемых событий он вступил в брак, но Петр обращается с ним как с ребенком («поцеловал, поднял кверху»), именно так он в 1717 г. будет приветствовать маленького Людовика XV.

В пересказе барона Гизена этот сюжет частичного узнавания монархов специально подчеркнут. Он пишет: «была в Фаворите такая *маскарада или виртишафт*, что подобной никогда не видали <...> После бала, которой начался в шесть часов, всякой повел свою пару в другую залу зело уборную, в которой ужинали. Цесарь с места своего вставал и ходил с хрустальным бокалом, предивнаго и дивнаго дела к Царскому Величеству одетому по Голландски и говорил ему: *я де ведаю, что вы добре знаете Царя Московскаго: того ради нью до вас про здравие*. Его Царское Величество принял их Цесарских рук бокал с вином, которой Цесарское Величество весь выкушал: *ответствовал так; я Его внутренно и наружно знаю, как сам себя и могу обнадежить, что Он совершенный приятель Вашего Величества и неприятель неприятелей Ваших*; как Цесарское Величество бокал свой выкушал, то просил Его Цесарь, чтоб Он ту рюмку для памяти благоволил у себя удержать. Его Царскому Величеству тем же бокалом изволил кушать до Римскаго Короля Иосифа, одетаго по Персидски, говоря Ему: *что понеже он еще млад, и может вино сносить лучше, нежели Его Величество Отец Его, то он надеется, что он в здравиях Его не выдаст, про которые Его Величество до него пить будет*; что так и учинилось с сатисфакциею с обеих сторон, и к великому удовольствию всего двора» [Туманский, 85–86].

Как мы видим, у Гизена фрисландский крестьянин (маска, под которой скрывается Петр) не просто сообщает императору, что царь «во всяком благополучии», Гизен заставляет его специально, к удовольствию своих читателей, уточнить, что он знает царя «внутренне и наружно» и «как сам себя». То есть император Леопольд определенно дает понять всем присутствующим, а Гизен в своем описании с особенным вниманием обставляет, тот

факт, что Петр на маскараде одновременно и маска, и русский царь, явившийся туда инкогнито.

В Вене, как мы видим, Петр побывал на придворном празднике *Wirthschaft*. Этот праздник традиционно был *сезонным* придворным маскарадом и разыгрывал один из устойчивых сюжетов немецкого карнавала, деревенскую *свадьбу*. Но в 1698 г. этот *праздник был по воле императора перенесен* с кануна Великого поста на 11 июля. Такое перенесение, как мы видели из приведенных описаний, было, во-первых, мотивировано желанием Леопольда доставить царю удовольствие (и, разумеется, произвести на него впечатление: побывавший в Вене монарх должен был увидеть настоящий имперский маскарад). Во-вторых, оно было связано с тем, что *война с Турцией практически закончена*^б: и если война была своего рода «постом», то ее прекращение должно стать «карнавалом».

Из Вены Петр намеревался направиться в Венецию, и великие послы ввели в Вене переговоры с Рудзини, венецианским посланником в Вене, об этом визите царя. Во время встречи с Рудзини в Вене он, по словам венецианского посланника, подтвердил уже выраженное через послов желание путешествовать инкогнито, «и с выражением прибавил, что наибольшей почестью, которую он мог бы получить, была бы свобода заниматься предметами, относящимися к морю и мореплаванию» [Богословский, 528]. Для Петра готовили прием в Арсенале, где на его глазах должны были отлить шесть пушек с изображением венецианского герба и посвящением победам царя, сюда должна была прибыть лучшая галера, чтобы царь мог ее рассмотреть в деталях, здесь же готовили фейерверк. К посещению Петра готовили стеклянный завод в Мурано, планировали регату, посещение оперы, и, что для нас наиболее интересно, маскарад. Папский нунций Кузоно сообщал в Рим о предстоящем визите царя: «Приготовляется много развлечений, обычных в этом городе, как кулачный бой, состязание лодок, музыкальная опера, концерт, *маскарад* и бал знати и дам в большом зале совета» [Богословский, 533]. Позднее, в 1707 г., Б. И. Куракин, который был в 1697 г. послан царем в Венецию для изучения навигации, и находился здесь во время приготовлений к встрече царя, составил «Описание Венецианской республики». Здесь он пишет о том, каким должен был быть визит Петра: «Когда был король французской <Генрих III — *Е. П.*>, — из того всем пример здесь имеют тестом коронным, — тогда на встречу несколько было отправлено санатерей на границах принять онаго. <...> А от Венеции за несколько сажен сам дожа со всем санатом встретит на том галиаце, в котором венчать море ходят. И, на том принявши, проводят в палацу <...>. А когда в коллегии бывает такая коронованная персона, тогда ставится одна скамья, на которой садится тот принц коронованный приезжий, а по левую руку *doge veneto*. А потом делают всякие разные забавы, и даются *машкары*, оперы и комедии 15 *giorni*» [Куракин, 197]. То есть как и в Вене для Петра должны были дать «показательный» маскарад, вырванный из своего календарного контекста и приуроченный ко времени посещения высокого гостя.

13 июля 1698 г., через два дня после маскарада в Вене, отсюда «по указу Государеву поехали от посольской свиты 4 человека в Венецию наперед» [Туманский, 87]. Но поездка царя, как известно, не состоялась, хотя Петр ждал ее с большим нетерпением: накануне отъезда он получил тревожные известия из Москвы и принял решение возвращаться в Россию.

А вот Б. П. Шереметеву, путешествовавшему в 1697-1698 гг. независимо от Великого посольства, удалось не только увидеть маскарад в Венеции, но увидеть его таким, каким он бывает во время карнавала. Шереметев путешествовал как частное лицо, но, одновременно, выполнял тайную дипломатическую миссию, вел предварительные переговоры и готовил почву для прибытия Великого посольства. И в Вене, и в Венеции он был принят почти как коронованная особа. В «Записке» Шереметева об этом путешествии указано, что 31 января 1698 г. он оставил свой обоз и «поехал наперед в Венецию *тайным способом*, чтоб видеть в Венеции *карнавал*, собрание всяких игр» [Шереметев, 36]. В это время свита Шереметева с обозом продолжала медленно двигаться к Венеции, а Шереметев снова присоединился к ним в Местре 3 февраля. Поведение Шереметева довольно загадочно. Если он планировал посетить карнавал, но запаздывал из-за того, что обоз двигался слишком медленно, то ему, казалось бы, незачем было возвращаться в Местр, он мог дождаться прибытия своей свиты в Венеции. Но Шереметев отправляется на карнавал «тайным способом», и снова, уже официально прибывает в Венецию. По-видимому, Шереметев хотел, чтобы его посещение осталось «тайным».

Вопрос о репутации венецианских карнавалов в конце XVII – начале XVIII в. был специально рассмотрен в недавней книге Роберта Дейвиса «Венеция, лабиринт для туриста». Карнавалы, указывает Дейвис, проходили не только в Венеции, по-своему были знамениты карнавалы Рима, Флоренции, Неаполя, похожие праздники имели место в Швейцарии, Голландии, Германии, Англии. И тем не менее венецианский карнавал уже в начале XVIII в. привлекал ежегодно свыше тридцати тысяч иностранцев. В 1707 г. де Бланвилл, только что побывавший здесь, писал: «Разнообразие и количество иностранцев в Венеции сейчас, во время карнавала, превышает то, что можно себе представить». От других карнавалов венецианский отличался, в первую очередь, тем, что Венеция была «городом пешеходов», и во время маскарада маски прогуливались по улицам, собирались на площадях, шли в театр и на бал пешком, и это создавало постоянно заполнявшую город живописную толпу, в которой были смешана знать и простые горожане, десятки тысяч одновременно высыпали на улицы, особенно в последнюю неделю карнавала. Это создавало в Венеции особую атмосферу «тотального» карнавала, которую трудно было воссоздать в другом месте. Но главное, Венеция была городом, где все запретное становилось доступным, а обязательные маски делали доступное дозволенным.

Во-первых, это были игорные дома (“ridotti”), которые открывались на время карнавала, и которых в интересующий нас период в Венеции насчитывалось до 160-ти. Как указывает Дейвис, “ridotti” были полны молодых людей, часто путешествовавших в целях

образования. Маленькие комнаты с игорными столами были набиты посетителями. Игроки являлись сюда замаскированными и игра шла в глубокой тишине (в том числе и потому, что играющие стремились сохранить инкогнито и боялись выдать себя акцентом или голосом). Уже упоминавшийся де Бланвилл отмечал: «Это удивительно, с какой безумной готовностью иностранцы в Венеции проигрывают свои деньги тем “благородным” [венецианцам], которые смеются над ними и обирают их. И только изредка счастливая случайность [приносит игрокам выигрыш и] заставляет банкометов кусать пальцы».

Во-вторых, здесь же, в “ridotti” толпились дамы, готовые составить компанию любому

иностранцу. Большинство из них как здесь, так и на публичных балах-маскарадах, были профессиональными куртизанками. Филипп Скиппон, побывавший в Венеции в интересующий нас период, писал после посещения одного из публичных балов: «По кругу на скамейках сидели потаскухи в масках, и ожидали, когда кто-то из посетителей пригласит их танцевать. Если кавалер находил свою даму приятной, то он вполне мог здесь же уединиться с ней, и если дама нравилась ему и без маски, то сделка была заключена». В Венеции, по свидетельству Томаса Крютта, еще одного путешественника, на карнавале ежегодно присутствовало приблизительно 12 тысяч куртизанок, и венецианки «отличались от всех остальных своими талантами». «Так многообразны обольщения этих нимф любви, что молва о них притягивает сюда посетителей из самых отдаленных уголков христианского мира». «Разодетые в красное и желтое, как тюльпаны, — пишет другой современник интересующих нас карнавалов, Миссон, — с открытой грудью и раскрашенными лицами, всегда с букетиками цветов, приколотыми к прическе, они стоят по дюжине зараз у каждой двери и окна, и прохожему трудно было избежать, чтобы его не схватили за рукав» [Davis, 35–45].

Все это было подмечено и стольником П. А. Толстым, который в 1697 г. был отправлен для обучения морскому делу в Венецию. Приведем описание маскарада из записок Толстого:

В Венецы бывают оперы и комедии предивные <...> и бывают до самага Великаго поста во вся вечера, кроме воскресенья и пятницы. А начинают в тех операх играть в первом часу ночи и кончаются в 5-м и 6-м часу ночи, а в день никогда не играют. И приходит в те оперы множество людей в *машкарах*, *пословенски в харях*, чтоб никто никого не познавал, кто в тех операх бывает, для того что многие ходят з женами, также и приезжие иноземцы ходят з девицами; и для того надевают мушины и женщины *машкары и платье странное*, чтоб друг друга не познавали. Так и все время карнавала ходят все в *машкарах*: мушины, и жены, и девицы; и гуляют все невозбранно, кто где хочет; и никто никого не знает. И так всегда в Венецы увеселяются и никогда не хотят быть без увеселения, в которых своих *веселостях и грешат много*. И когда сойдутся в машкарах на площадь к соборному костелу святого Марка, тогда многие девицы берут в машкарах за руки иноземцов приезжих, и гуляют с ними, и забавляются без стыда. <...>

Есть в Венецы один дом, который называется по-италиянски *редута*, зделан для того, что в том доме *играют в карты* в золотые червонные и во всякую манету. В том доме много великих полат, в которых зело много поставлено столов неболших; и за всяким столом сидят по одному человеку, а на столах лежит много золотых червонных <...> и карт много, целных и драных. И кто хочет, пришед к тому столу, играет с тем человеком, которой за тем столом сидит; а игра их особая, называется *басета*, и карты венецкие особые ж. В той игре никому неволи никакой нет: и кто проиграл или выиграл и не похотел болши играть, в том ему свобода. В тот дом приходят много честных людей; и жены, и девицы ходят играть невозбранно и безззорно в *машкарах* <...> многие приходят играть без ззору в *машкарах* [Толстой, 54, 106–108].

То есть маскарад — это время, когда честные люди забавляются «без ззору в машкарах»: посещают оперы и комедии, прогуливаются по площадям, встречают девиц в «машкарах» же и «забавляются без стыда», играют «невозбранно и безззорно» в карты, а забавляясь «и грешат много».

Описание карнавала у Толстого помещено в той части записок, где он дает общую характеристику Венеции. Мы знаем, что карнавальная сезон 1697–1698 гг. Толстой провел в Венеции, но что именно он делал и где был в это время, мы не знаем: в его регулярных, часто поденных записях карнавал не упоминается. Точнее, записи

прекращаются 27-го января по старому стилю: после православного Рождества Толстой 1-го января, в день Василия Великого, отправляется в греческую церковь, где поклонялся мощам святого, 6 января проводит в греческой церкви, где «освящение вод бывает», а 27-го января посещает армянскую церковь. После этого записи прерываются до воскресенья 6-го марта, то есть до начала Великого поста [Толстой, 83–84]. Чем именно занимался Толстой в это время, мы не знаем, но, как мы видим, о своих похождениях во время карнавала он не нашел нужным рассказать в журнале.

О том, что венецианки произвели на Толстого серьезное впечатление, можно судить по некоторым записям. Так, почти сразу по приезде в Венецию, Толстой замечает: «Женский пол и девицы всякого чину убираются зело изрядно особою модою венецкого убору и покрываются тафтами черными сверху головы ниже даже до пояса, а иные многие убираются по-француски. В женском платье употребляют цветных парчей травчатых болши. И народ женской в Венецы зело благообразен, и строен, и политичен, высок, тонок и во всем изряден, а к ручному делу не очень охочь, болши заживают в прохладах» [Толстой, 53]. Не случайно, видимо, разъехавшись с женой, Толстой привез себе в Петербург именно венецианскую куртизанку, которую называл своим ангелом. «Толстой, — писал, например, французский посланник в 1722 г., — держал здесь при себе итальянскую куртизанку, по имени Лаура, женщину очень умную, большую интриганку, стяжавшую своим легким поведением некоторую известность в Риме и в Венеции. В этом последнем городе она состояла в связи с одним влиятельным сенатором, имени коего я никак не мог узнать. Она безусловно завладела умом Толстого, так что в камер-коллегии, в которой он председательствовал, никто не мог получить что-либо иначе, как чрез эту женщину» [Компредон, 139].

Карнавалый сезон 1698–1699 гг. Толстой уже не увидел, в октябре он получил из Москвы указание срочно вернуться в Россию. Не дождавсь карнавала, он покинул Венецию [Толстой, 240].

Царь Петр крайне интересовался Венецией⁷ и досадовал, что не смог побывать в этом городе, можно не сомневаться, что все трое названных выше россиян, побывавших в Венеции в 1697–1698 гг., должны были дать царю отчет обо всем увиденном. А Толстого, который во время застолий постоянно сводил все разговоры к Венеции, расхваливая этот город, Петр даже наказывал «штрафными кубками». Толстой, после удачной операции по возвращению царевича Алексея в Россию, в успех которой был во многом его заслугой, писал в 1717 г. Петру Шафирову: «В Петербурге уже безопасно буду хвалить Италию и штрафу за то пить не буду» [Устрялов VI, 403].

Посещение маскараров в Лондоне и Вене, также, как и сведения о карнавале в Венеции, определенно повлияли на организацию святочных и масленичных забав Петра по возвращении из Великого посольства (в сравнении с более ранним периодом), и определили использование слова «маскарар» в придворном обиходе, где оно появляется с 1714 г. и только в отношении определенного типа «ряженья».

Пользуясь свободами, которые предоставили авторам составители настоящего сборника, здесь я свое рассуждение и прерву.

ЛИТЕРАТУРА

Архив Воронцова Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. 2.

Бакланова *Бакланова Н. А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. // Петр Великий. Сборник статей под ред. А. И. Андреева. Изд-во АН СССР, М.; Л., 1947. С. 3–62.

Богословский *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. [М.], 1941. Т. II.

Даркевич *Даркевич В. П.* Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М., 2004.

Журнал 1695–1725 Походный журнал 1695–1704 гг. СПб., 1853; Походный журнал 1705–1711 гг. СПб., 1854; Походный журнал 1712–1719 гг. СПб., 1854; Походный журнал 1720–1725 гг. СПб., 1855.

Календарные обычаи Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, весенние праздники. М., Наука, 1977.

Кампредон Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции, с 1681 по 1718 г. // Сборник РИО. Т. 34. СПб., 1881.

Кретинин *Кретинин Г.* Прусские маршруты Петра I. Калининград, 1996.

Куракин Архив князя Ф. А. Куракина. Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина (1676–1727). Кн. 3. СПб., 1892.

Курбский Библиотека литературы древней Руси. СПб., 2001. Т. XI.

Список посольства Список посольства Федора Писемского да подьячего Неудачи Ховралева как у них в Аглинской земле государево дело делалось // Сб. Русского ист. о-ва. СПб., 1883. Т. 38.

Толстой Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992.

Туманский *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. СПб., 1787. Ч. 3.

Устрялов III, VI *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858, 1863. Т. III, VI.

Шереметев Записка путешествия генерала фельдмаршала Российских войск <...> Бориса Петровича Шереметева <...> в европейские государства, в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим. М., 1773.

Billington *Billington, Sandra.* Mock kings in medieval society and Renaissance drama. Oxford [England]: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, 1991.

Combe *Combe, Kirk.* Shadwell as Lord of Misrule: Dryden, Varronian Satire, and Carnival.

Eighteenth-Century Life. Vol. 24. № 3, Fall 2000. P. 1–18.

Davis *Davis, Robert C.* Venice, the Tourist Maze: A Cultural Critique of the World's Most Touristed City. Ewing, NJ, USA: University of California Press, 2004.

Duindam *Duindam Jeroen.* The Courts of the Austrian Habsburgs. C. 1500–1750. Vienna and Versailles: the courts of Europe's major dynastic rivals, 1550–1780. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003.

Newspaper Reports Early Eighteenth-Century Newspaper Reports. A Sourcebook compiled by Rictor Norton. <http://www.infopt.demon.co.uk/grub/vice.htm>

Green *Green, Adwin Wigfall.* The inns of court and early English drama. New Haven, Yale University Press; London, H. Milford, Oxford University Press, 1931.

Luttrell *Luttrell, Narcissus.* A brief historical relation of state affairs from September 1678 to April 1714. Vol. 4. Oxford, 1857.

Theatrum Europaeum *Bingel, Hermann.* Das Theatrum Europaeum; ein Beitrag zur Publizistik des 17. und 18. Jahrhunderts. Wiesbaden: M. Sandig, [1969].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово «машкара» в значении «маска» использовал А. Курбский в «Истории о великом князе Московском», но, как известно, это сочинение сохранилось только в поздних списках (XVII в.) и «включает в себя <...> большое число полонизмов» [Курбский, 414, 659].

² Именно так прочитал эти записи Богословский [Богословский, 306].

³ “Sir Francis Flatterer, of Fowleshurst, in the county of Buckingham.
Sir Randle Rakabite, of Rascall-hall, in the county of Rake-hell.
Sir Morgan Munchance, of Much Monkery, in the county of Mad Mopery.
Sir Bartholomew Baldbreech, of Buttocks-bury, in the county of Brekeneck” [Green, 70–71].

⁴ Комедия Шекспира «Двенадцатая ночь» получила это название потому, что была поставлена в 1602 г. в корпорации Middle Temple.

⁵ «Пародии на деревенскую свадьбу» и «бурлескные обручения» — устойчивый карнавальнй сюжет, такие свадьбы играли в последние дни перед Великим постом, «шуточные инсценировки ряженных имитировали брачную церемонию» [Даркевич, 179; Календарные обычаи, 166, 226, 340 и др.].

⁶ Формально мир будет заключен только на Карловицком конгрессе, но после победы принца Евгения Савойского (который также присутствовал на маскараде) в битве у Зента 11 сентября 1697 г. война была практически завершена.

⁷ Петр посещал карнавалы и во время других зарубежных поездок. Так, 18 февраля

1713 г., также во время карнавала, «в Ганovere Его Величество изволил жить в доме Курфистском в особых палатах и изволил быть в комедиях и в апорах <операх. — Е. П.>, которые нарочно для Его Величества были учреждены, також и в машкаратном доме, в наряде машкаратном, где были Курфюст и Курфюстина старая, мать Курфюстова, и сын его с женою, где довольно веселились» [Журнал 1713, 14]. 30 сентября 1716 г. Петр был в Копенгагене «на именинах короля Дацкаго, и были машкары и танцовали» [Журнал 1716, 94]. Во время этой же поездки Петр побывал в Италии, он был на водах в Пирмонте. Здесь царь увлекся итальянской комедией и, как можно видеть по записям в Журнале, посещал ее неоднократно. Так, 8 мая Петр «был в комедии арлекин», и затем посетил комедию 4, 5, 6, 7, 12, 13 и 28 июня. А 10 декабря он вновь «был в комедии арлекин», но теперь уже в Амстердаме: [Журнал 1716, 79–86, 103].

Кириллица, или Небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова. Содержание

Дата публикации на Ruthenia 8.11.2006.

ruthenia – 10 | personalia | сетевые ресурсы | дискуссии | независимые проекты на "рутении" | добрые люди о проекте | анонсы | хроника | архив | публикации | антология пушкинистики | lotmaniana tartuensia | з. г. минц

Designed by

WWW